

“ПАНЕГИРИК ИМПЕРАТОРУ АНАСТАСИУ” ПРИСЦИАНА

Лишь одна рукопись *Vindobonensis 16 fol. 50–52* содержит полный текст *De laude Anastasii Imperatoris*. Эта рукопись в основном посвящена различным патристическим и грамматическим трактатам, переписанным ориентировочно в VIII в. в монастыре св. Колумбана в Боббио. В XVI в. рукопись была перенесена в монастырь св. Иоанна Угольщика в Неаполе; из Неаполя в 1717 г. – в библиотеку в Вене, где была каталогизирована в 1799 г. После первой мировой войны рукопись была возвращена в Неаполь¹. Другая рукопись: *Bernesis 363, folio 195*, содержит предисловие и первые 44 строки поэмы. Большая часть этой рукописи восходит к VIII–IX вв. и посвящена поэмам Горация.

De laude Anastasii Imperatoris была впервые издана и получила исторический комментарий в 1828 г. Эндлихером. Несмотря на то, что множество негреческих, восточных источников тогда не было доступно, это до сих пор используемое издание. Эндлихер объяснил, что ссылки на исторические события, рассматриваемые Присцианом в его панегирике, подтверждаются в других источниках, которые цитируются им достаточно широко. Издание Эндлихера включено в *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Его издание также использовал Э.Ф. Корпе, который опубликовал латинский текст и французский перевод и несколько исторических и литературных комментариев в 1845 г. Эндлихер имел доступ только к одной рукописи – в Вене.

В 1883 г. Беренс публикует новое издание панегирика, основываясь на обеих рукописях. Романо использует работы Беренса как основу для своей собственной версии издания панегирика с добавлением итальянского перевода и комментариями по определенным историческим функциям поэмы. Последнее издание Алена Шово было опубликовано с комментариями текстов и французским переводом двух панегириков, одного латинского, другого греческого, написанных в честь императора Анастасия соответственно Присцианом и Прокопием Газским.

De laude Anastasii Imperatoris принадлежит латинскому грамматiku Присциану Цезарейскому. Все издатели панегирика подтверждают

¹ E.A. Lowe, *Codices Latini antiquiores. A Paleographical Guide to Latin Manuscripts prior to the Ninth Century*, Oxford 1933–1934, p. 36–38.

его авторство. Благодаря известности Присциана как латинского учителя² и связям с его покровителем при дворе, очень вероятно, что он был избран произнести латинский панегирик в честь Анастасия.

Мы имеем мало сведений о жизни Присциана³, хотя его труды сохранились. Эти труды включают, помимо перевода “Периэгесиса” Дионисия, грамматические работы, по которым он наиболее известен: обстоятельные “Установления искусства грамматики” (*Institutio de arte grammatica*) в XI книгах; более краткие “*De figuris numerorum*”, “*De metris fabularum Terentii*”, “*Praeexercitamina*”, “*Institutio de nomine et pronomine et verbo*”, “*Partitiones XII versuum Aeneidos principatum*”, “*De accentibus*”⁴, а также малые стихотворные произведения⁵. Из посвящений к предисловиям своих трудов, из самих упоминаний этих сочинений, из указателей рукописей и из немногочисленных упоминаний современных и около-современных источников проистекают те определенные факты, которые нам известны.

Кассиодор сообщает нам, что Присциан был грамматиком в Константинополе: *ex Prisciano grammatico qui nostro tempore doctor Constantinopoli fuit...*⁶; также он мог преподавать латинский язык в столичном “университете”⁷. Как представляется, он работал в Константинополе в течение времени правления Анастасия и Юстина, а также в правление Юстиниана⁸. Его “*Ars grammatica*” была закончена до 526 г.; об этом говорит упоминание его ученика Феодора, рассказавшего нам, что он отредактировал свой труд в консульства Олибрия (526 г.) и Мавортя (527 г.)⁹.

Присциан, однако, не был уроженцем столицы, как свидетельствует эпитет Цезарейский, часто сопутствующий его имени¹⁰. Из-за его знания латинского языка и литературы, его гордости за римское наследие¹¹

² Грамматик Евтихий, который был учеником Присциана, именуется своего бывшего учителя словами, которые обнаруживают, что они были хорошо знакомы: Н. Keil, *Grammatici Latini*, Leipzig 1868, p. 456.

³ Его когноменом мог быть – Октавий. См.: L.G. Whitbread, *A Note on Priscian the Grammarian*, *Latomus*, 36 (1977) 811–812.

⁴ Его малые грамматические сочинения собраны в: Н. Keil, *Grammatici Latini*, v. II–III, Leipzig 1859.

⁵ R. Drathschmidt, *De Prisciani grammatici Caesariensis carminibus*, Breslau 1907.

⁶ Cassiod. *De Orthogr.* I,13: Н. Keil, *Grammatici Latini*, VII, 207.

⁷ Об основании и структуре “университета” см. *Cod. Theod.*, XIV, 9, 3.

⁸ Paul. Deacon. *Hist. Langobard.*, I, 25. Описывая правление Юстиниана, Павел Диакон перечисляет Присциана в ряду других известных авторов эпохи.

⁹ Н. Keil, *Grammatici Latini*, II, 191–192, 451, 597; III, 208–209.

¹⁰ Эпитет использован в надписи его ученика Феодора, а также у Павла Диакона.

¹¹ В “Искусстве грамматики” Присциан определяет свой труд как начало латинской традиции и говорит “наши римляне” или “латины” и “наши авторы”. См., например: М. Gluck, *Priscians Partitiones und ihre Stellung in der spatantiken Schule*, Hildesheim 1967, S. 58–59.

и посвящение им трех своих грамматических трактатов Симмаху, который идентифицируется с западным аристократом Аврелием Меммием Симмахом, консулом 485 г. и племянником Боэция¹², Присциан обычно предположительно связывается своим происхождением с Цезареей в Мавретании¹³. Кроме того, он восхваляет Анастасия за его помощь беженцам из Рима (см. комм. к ст. 242–245). Такое предположение и выводы из него о том, что работы Присциана были предназначены для западных слушателей и отражают западное мироощущение и интересы¹⁴, недавно было убедительно оспорены Мэри Тейлор Дэвис¹⁵.

М. Дэвис обращает внимание на то, что Присциан не показывает интереса к Африке в своих сочинениях и не упоминается как африканский или западный автор современными ему источниками. Она утверждает, что анализ грамматических трудов Присциана показывает его как ученого, образованного в равной степени как в латинском языке, так и в греческом, и интересующегося взаимоотношениями между этими языками, чьи труды базируются на смешанной греческой и латинской традиции, могут быть использованы для утверждения, что оба языка являются для него родными¹⁶. Дэвис обращает внимание на то, что имеются указания на то, что Присциан был, если и не уроженцем Востока, то, по крайней мере, был там воспитан с юных лет. В “Искусстве грамматики” Присциан несколько раз упоминает своего учителя Феоктиста¹⁷, который был, возможно, восточным учителем, чью книгу по орфографии

¹² J. Sundwall, *Abhandlungen zur Geshichte des ausgehenden Romertums*, Helsinki 1919, S. 160.

¹³ Стандартная точка зрения распространена во многих изданиях, например: M. Shcancz, C. Hosius, G. Krueger, *Geschichte der romischen Literatur*, vol. IV, 2, Munich 1920, p. 221; R. Helm, *Priscianus*, RE, XXII, 2 (1954) col. 2328; A. Momigliano, *Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo D.C.*, Secondo contributo alla storia degli studi classici, Rome 1960, p. 240.

¹⁴ P. Courcelle, *Late Latin Writers and their Greek Sources*, Camb. Mass. 1969, p. 325–330. О Присциане как о выходе из Африки см.: J.B. Bury, *History of the Late Roman Empire*, L. 1923, v. I, p. 467; M. Salamon, *Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel*, Philologus 123 (1979) 96.

¹⁵ M.T. Davis, *Priscian and the West*, Byzantine Studies Conference, Chicago, 1982.

¹⁶ “Partitiones”, которые представляют собой анализ грамматики и метрики первых 12-ти строк “Энеиды” как основу для обучения фундаменту латинской грамматики, могли использоваться греческими “студентами”, начинающими обучаться языку. См.: P. Courcelle, *Late Latin Writers and their Greek Sources*, Camb. Mass. 1969, p. 329, № 49. Текст “Partitiones” см.: *Grammatici Latini*, III, p. 459–515. Для анализа места и роли этого сочинения в античной образовательной системе и использовании Присцианом греческого языка см.: M. Gluck, *Priscians Partitiones*. О знании Присцианом греческого языка дискутирует: A. Luscher, *De Prisciani studiis Graecis*, Breslau 1912.

¹⁷ Отзывы Присциана в адрес Феоктиста: ... noster preceptor Theoctistus, omnis eloquentiae decus, cui quicquid in me sit doctrinae post duum impute (Gr. Lat. II, p. 238).

рекомендовал Кассиодор¹⁸. Также в его произведениях есть определенное количество мест, которые обнаруживают его интерес к восточным языкам и культуре¹⁹. Поэтому Дэвис намекает на то, что Присциан должен быть связан с одной из восточных Кесарий, возможно, Кесарией Палестинской, которая была хорошо известна во времена Присциана как центр риторических и литературных штудий²⁰, и показывает, что на востоке эпитет “Кесарийский” применялся к разным литературным фигурам, из которых наиболее известны Евсевий и Прокопий, связанные с этим городом. Хотя она иногда заходит слишком далеко в своих усилиях противодействовать общепринятым мнениям, как, например, тогда, когда она изображает Присциана недостижимым для современных событий на западе²¹, Дэвис не достигает успеха в установлении твердой связи Присциана с восточным культурным окружением – ученый, предназначенный свои труды восточным слушателям, но провозглашающий знание обоих языков как идеал; один из числа таких совершенно двуязычных и бикультурных людей в Константинополе и на востоке²² (комм. к ст. 245–253). Это

¹⁸ Cass. *Institutiones Divinarum Litterarum*. 30, 2.

¹⁹ Присциан включает краткие замечания на сирийском и древнееврейском языках в “*Ars grammatica*” (например, Gr. Lat. II. P. 147, 148, 214, 321). Также Присциан высказывал суждения о библейских персонажах, популярных в Египте и на востоке.

²⁰ О школе в Кесарии см.: G. Downey, *The Christian Schools of Palestine: A Chapter in Literary History*, Harvard Literary Bulletin, 12 (1958) 301–304; L.I. Levine, *Caesarea under Roman Rule*, Leiden 1975, p. 58–60; 119–128; 135–136; P. Collinet, *Histoire de l'école de droit de Beyrouth*, Paris 1935, p. 81–83.

²¹ Дэвис строит свою аргументацию на ограниченных знаниях о событиях на западе, которые Присциан обнаруживает в своем “Панегирике”. Панегирист, однако, не пишет историю. Его композиция направляет интерес на особые случаи и аудиторию, и его задачей было объяснить эти случаи аудитории. Понятно, что Присциан не должен был включать сообщения о событиях в Италии в поэму, составленную в Константинополе для восточной аудитории. Также и грамматические труды Присциана можно использовать для обсуждения современных ему событий. Однако, интерес Присциана, обнаруживающий знание обоих языков и культур, что Дэвис так ярко показал в своем анализе грамматических сочинений, подразумевает, что Присциан должен был иметь связи, с теми, кто имел сходные интересы на западе. Мы знаем, что жители запада в учебных и научных целях посещали восток. Один такой визитёр – Марций Новат Ренат – имел копию самого Бозция, исправленную рукой ученика Присциана – Феодора, и, когда он был в Константинополе в 510 г., обсуждал теологические вопросы с Севиром Антиохийским, как об этом сообщает сам Севир в *Liber contra impium grammaticum*, Oratio 3, pars posterior.

²² Об использовании латыни на востоке и в Константинополе см. L. Hahn, *Zum Sprachenkampf in romischen Reich bis auf die Zeit Justinians*, *Philologus*, 10 (1907) 675–718; V. Hemmerdinger, *Les lettres latines a Constantinople jusqu'a Justinien*, *Byzantinische Forschungen* 1 (1966) 173–179; G. Dagron, *Aux origines de la civilization byzantine: langue de culture et langue d'état*, *Revue historique* 241 (1969) 23–56. Степень жизнеспособности латинского языка в Константинополе VI в. достаточно дискуссионна. Мнение Дагрона, по которому

противоречит тому контексту, что панегирик Присциана должен был быть послан Анастасию.

В подтверждение целей панегирика часто приводят информацию о том, что его дата известна, но необычно и неудачно то, что Присциан не сделал указания на цель, ради которой он сочинил “Похвалу Анастасию”²³. Панегирик содержит в себе обычные упоминания надежно датированных событий правления Анастасия, но они являются небольшой помощью для датирования панегирика. Эти отсылки состоят в описании Исаврийской войны, которая была успешно закончена Анастасием в 498 г.²⁴, и аллюзиях на отмену хрисаргира в 498 г.²⁵, а также к запрещению *venationes* (“охот”) в предыдущем году²⁶. Также есть упоминание о кампании, проведенной племянником Анастасия Ипатием против персов в 503 г.²⁷, и похвалы императрице Ариадне, которая скончалась в 515 г.²⁸ Все эти индикаторы указывают на то, что поэма была составлена до этих дат²⁹.

В порядке определения более точных дат “Панегирика”³⁰ важно помнить, что его автор не делал записи исторических событий, но творил

греческий был доминирующим языком культуры, тогда как знание латинского было ограничено чиновниками императорской администрации, и латинский обычно не использовался императорским окружением, было поставлено под сомнение М. Саламоном (M. Salamon, *Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel*, *Philologus*, 123 (1979) 96). Он утверждает, что латинский не был ограничен администрацией и небольшими общинами выходцев из Италии и Африки, и что интерес к латинской культуре был весьма сильным. Он показывает, что круг аристократов и чиновников, заинтересованных в равной мере греческими и латинскими штудиями, а также в связях с интеллектуалами на западе, концентрировался вокруг Присциана. Он указывает также, что интерес в латыни как языке культуры в значительной мере сохранялся в течение VI в.

²³ Панегирики являлись одним из элементов все более усложнявшегося церемониала, окружавшего императора, и читались как часть имперских празднований в честь вступлений в консульство, юбилеев, бракосочетаний и побед. Панегиристы зачастую привлекали внимание к событиям, по поводу которых сочинялись панегирики. Прокопий Газский, современник Присциана, написавший прозаический панегирик императору Анастасию по-гречески, сообщает нам (Pan. I), что его панегирик был преподнесен к празднованию установления образа императора, который, возможно, был установлен в благодарность императору за некоторые его благодеяния городу Газа.

²⁴ Об исаврах и исаврийских войнах см. ст. 16–17, 19–37, 50–51, 58–60.

²⁵ О хрисаргире см. ст. 149–161.

²⁶ О *venationes* см. ст. 223–227.

²⁷ О датировке и роли Ипатия в кампании против персов см. ст. 300.

²⁸ Упоминания об императрице Ариадне появляются в конце поэмы, в ст. 301–308.

²⁹ Для датировки панегирика предлагаются различные даты между 503 и 515 гг. Из последних работ Алан Камерон предпочитает дату 503 г. (A. Cameron, *The Date of Priscian's De Laude Anastasii*, *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 15 (1974) 313–316), а А. Шово – 515 г. (A. Chauvot, *Observations sur la date de l'elogie d'Anastase de Priscien de Cesaree*, *Latomus*, 36 (1977) 539–550).

³⁰ P. Chauvot, *Observations sur la date de l'elogie d'Anastase de Priscien de Cesaree*, *Latomus*, 36 (1977) 539–550.

образы подобно иконописцу. Императорские панегирики обнародовались, если не как официальная пропаганда, то не менее, чем официально приемлемый и желательный образ императора³¹. Однако, образ мог измениться в соответствии с императорской политикой или необходимостью³². Так, один из путей определения даты “Панегирика Анастасию” лежит в установлении образа императора, который панегирист хотел сотворить, и в уточнении дат событий правления Анастасия для набора обстоятельств, контекста, в котором такой образ был бы соответствующим.

Образ императора Анастасия, который появляется в “Панегирике” – это один из тех правителей, которые как избраны с божественной помощью, так и правят с помощью божественного покровительства³³. Даже в случайном прочтении, Присцианов эмпазис (усиление выразительности) о взаимоотношениях между Богом и избранным Им императором очевиден и замечателен³⁴. Постоянное повторение этой темы является доминирующим в поэме.

Первые строки поэмы определяют права Анастасия на престол его богоизбранностью, а также божественные гарантии его процветания и успехов (Pan. 4–7).

Упоминания о первых военных успехах, достигнутых Анастасием, связаны с Божьей помощью. Он сравнивает несчастья римского народа

³¹ О панегирике с точки зрения пропаганды см.: A. Cameron, *Claudian*; S. MacCormack, *Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire*, *Revue des études augustiniennes*, 32 (1976) 21–77. См. также: H.A. Drake, *In Praise of Constantine*, p. 46.

³² В своих ранних поэмах, например, Клавдиан усиливает образ регентства Стилихона, но эта тема исчезает из двух его последних панегириков. См.: A. Cameron, *Claudian*, p. 49–51.

³³ О концепции богоизбранности императора см.: A.D. Nock, *A Diis Electa*, *Harvard Theological Review*, 23 (1930) 251–274; J. Rufus Fears, *Princeps a diis electus. The Divine Election of Emperor as a Political Concept at Rome*, Rome 1977. О божественном покровительстве императору см.: W.E. Kaegi, *Byzantium and the Decline of Rome*, Princeton 1968, p. 176–223. Обе идеи были широко распространены в византийской политической и религиозной мысли. Они проявляются, например, в аккламациях, которыми приветствовали императоров при их воцарении. Анастасия приветствовали следующим образом: “Бог дал тебе, Бог будет хранить тебя” (Const. Porph. *De cerem.* I, 92). О богоизбранности Анастасия см. также у Иоанна Никиусского (Chron., 98, 9): London 1916, p. 122.

³⁴ Темы богоизбранности и божественного покровительства императору не всегда акцентировались в императорских панегириках. Прокопий Газский (Pan. 5) перечисляет лица и учреждения, вовлеченные в избрание Анастасия, как вдохновленных Богом на их выбор: “Поистине, неким божественным приказом вызвано твое избрание. Как единогласно весь народ провозглашает тебя, великий сенат соглашается с ним, и императрица соглашается”. Концепт богоизбранности не подчеркивает эту идею и не появляется нигде больше в панегирике Прокопия. Прокопий концентрирует внимание на актуальных исторических событиях воцарения императора, хотя достаточно кратко и без деталей.

в правление исаврийцев с современным процветанием при Анастасии, которое описывается как Божий дар империи (Ран. 38–39).

Когда исаврийцы, намеревавшиеся продлить свой прогнивший режим, восстали против Божественным образом поставленного императора, Бог наказал их, наслав на них безумие. Это безумие (*furog*) побуждает их к войне, которая неизбежно должна закончиться поражением от сил непобедимого принцепса (Ран. 50–66). Огненная рука Господа поражает исаврийцев, и, вследствие благочестия императора, Бог вызывает шторм, разметавший суда мятежников (Ран. 89–97). Поражение исаврийцев было закреплено тем, что Бог справедливо их наказал (Ран. 119–129).

Вторая половина “Панегирика”, которая имеет дело с обновлением и процветанием, которые принес Анастасий в империю вместе с миром, содержит сложные утверждения о богоданности права императора на правление. Император каленым железом выжигает записи о ненавистной подати, хрисаргире, на Ипподроме, том самом месте, где Бог даровал ему скипетр и диадему, символы императорской власти (Ран. 162–170). Также на Ипподроме Анастасий празднует свой триумф над побежденными исаврийскими вождями и благодарит Бога за это (Ран. 171–179). Бог поручает Анастасию восстановление мира (Ран. 180–192), и император, в образе небесного судии (Ран. 193–205) осуществляет правосудие. В конце этой части “Панегирика” Присциан возвращается к теме божественного покровительства императору. Бог прогоняет прочь врагов Анастасия, и будет карать всех, кто угрожает миру и безопасности империи (Ран. 256–260). Но Бог не только покровительствует империи, Он также вмешивается в события, чтобы спасти жизнь императора (Ран. 270–279).

Суммируя вышеизложенное, становится ясно, что основная тема панегирика – данная Богом легитимность правления Анастасия. Репрезентируя свой образ Анастасия, Присциан совмещает обычные привилегии с традиционным содержанием и форматом императорского панегирика. Часто включаются такие сюжеты, как рождение, родной город и образование императора, и часто опускаются тогда, когда они не способствуют тому впечатлению, которое поэт желает передать³⁵. Присциан не использует такие эпические элементы, как мифологические аллюзии и персонификации, которые характерны для Клавдиана и Сидония, его предшественников

³⁵ Менандр Ритор (370) советует ораторам включать их темы, только если они добавляют императору престижа. Прокопий Газский опускает рождение и образование, но включает похвалу родному городу Анастасия Диррахию, так как это дает ему возможность объявить Геракла и Зевса прародителями императора.

в области латинского стихотворного панегирика³⁶. Организуя свой материал, Присциан размыкает традиционные отличия между временами войны и временами мира³⁷. Во второй части панегирика, посвященной преимущественно временам мира, Присциан вставляет описание Анастасиева триумфа над вождями исаврийцев и аллюзии на войны с персами (Ран. 254–260), которые приводятся как примеры божественного покровительства императору.

Собственно Присцианов образ императора также оказывает влияние на структуру поэмы. Вместо простого движения от предмета к предмету, в линейной последовательности строк по направлению от введения к заключению, Присциан накладывает вокруг композиции поэмы центральную кульминационную сцену. Он располагает в центре панегирика описание двух событий, объединенных их общим положением на Ипподроме: первый комит сжигает податные записи³⁸, с Анастасием в роли священника и посредника, восседающего над подношениями Богу. Затем его роль меняется. Анастасий как победоносный император празднует триумф и, в отличие от предыдущих триумфаторов, он обращается с благодарностью к истинному Богу (Ран. 171–179). Эта кульминационная сцена, помещенная на месте, где Анастасий был провозглашен императором, превозносит отношения между Богом и императором, божественным и Божьим инструментом земли в войне и мире, и дает этим отношениям определение.

Настойчивость Присциана в показе Богоданной природы власти Анастасия и его акцент на Божественное покровительство императору против его врагов говорит о том, что панегирик был написан во времена, когда император очень нуждался в поддержке и легитимизации своей власти. Между 503 и 515 гг., когда поэма должна была сочиняться, самые серьезные угрозы трону Анастасия имели место ближе к концу этого периода, с 511 по 515 г., когда религиозные споры вызывали заговоры и восстания.

Акакиева схизма отделила Рим от восточной церкви с 484 г. Сами же восточные провинции, особенно Сирия и Палестина, были раздираемы конфликтами между сторонниками доктрины Халкидонского собора и монофизитами. Несмотря на свои личные монофизитские убеждения, Анастасий обещал при своем воцарении уважать халкидонские постановления и в ранней части своего правления он пытался следовать среднему

³⁶ Присциан намекает на изменения в содержании, которые он привнес.

³⁷ Менандр Ритор утверждает, что военное время должно предшествовать времени мира (372), а Присциан, кроме оговоренных случаев, следует своим путем в этом вопросе.

³⁸ Прокопий Газский двигается от темы к теме, почти точно следуя порядку, рекомендованному Менандром Ритором.

курсу, вzywая к приверженцам Энотикана Зенона³⁹. Однако, с 511 г., ради небольшой надежды на религиозное объединение с Римом под влиянием непримиримого антивизантийски настроенного папы Симмаха и с возрастающими религиозными раздорами в Сирии и Палестине, Анастасий все больше и больше открыто поддерживал дело монофизитов⁴⁰.

Когда император начал осуществлять свою промонофизитскую политику, он столкнулся с серьезными проблемами в отношениях с народом и клиром Константинополя. Столица преимущественно поддерживала халкидонитов в их доктрине, и патриарх Македоний не симпатизировал монофизитским наклонностям Анастасия. Анастасий был полон решимости избавиться от патриарха, и в августе 511 г. Македоний был объявлен сенатом бунтовщиком и еретиком, и был сослан⁴¹. На следующий год другой прохалкидонский епископ Флавий Антиохийский был смещен и заменен Севером, одним из влиятельных лидеров монофизитов⁴². В том же самом году в Константинополе новый патриарх Тимофей ввел монофизитский вариант “Трисвятого” в литургию храма св. Софии. Народ Константинополя возмутился и потребовал, чтобы полководец Ариобинд был провозглашен императором. Мятежи были подавлены только когда старый император появился на Ипподроме без своей короны и объявил о намерении отречься от престола. Этот драматический жест успокоил толпу, и порядок был восстановлен (Evagr. HE III, 32; Theoph. AM 6004).

На этом беды Анастасия не закончились. В 513 г., обозленный императорским отказом от снабжения войск федератов, восстал Виталиан, комит федератов во Фракии (Evagr. HE III, 44; Theoph. AM 6005; Marcell. Com. Chron., s.a. 512). Он получил поддержку регулярных войск во Фракии и множества местных жителей. Собрав многочисленные силы, он объявил о своей поддержке дела халкидонитов и смещенных епископов

³⁹ F. Dwornik, *Pope Gelasius and the Emperor Anastasius I*, *Byzantinische Zeitschrift*, 44 (1951) 111–116.

⁴⁰ См. ст. 164–170.

⁴¹ О дискуссии о религиозных противоречиях и о том, как это повлияло на политику Анастасия, см.: P. Charanis, *Church and State in the Later Roman Empire: The Religious policy of Anastasius the First, 491–518*, Madison 1939; C. Capicci, *L'Imperatore Anastasio I (491–518)*, *Orientalia Analecta*, 184 (Rome 1969) 100–137. В более общем плане см.: W.H.C. Frend, *The Rise of Monophysite Movement*, Camb. 1972. Текст “Энотикана” Зенона, который пытался избежать трудностей принятия Никейского и Константинопольского символа веры, и осуждал ереси Нестория и Евтихия, но не уточнял, одну или две природы имеет Христос, можно найти в Evagr. Hist. Eccl. III, 1.

⁴² О современных свидетельствах о деле против Македония и реакции на него в Константинополе см.: Zachar. Mityl. Chron. VII, 8.

Македония и Флавия, после чего двинулся на Константинополь. Император договорился о выводе восставших войск, согласившись устранить причины недовольства фракийской армии, а также согласился примирить религиозные споры с помощью посредничества папы. Тогда Виталиан возвратился во Фракию, однако, Анастасий направил против него войска во главе с Кириллом, военным магистром Фракии. Когда Виталиан разбил императорскую армию и убил Кирилла, Анастасий на заседании сената в Константинополе провозгласил Виталиана общественным врагом и отправил против него второе войско во главе со своим племянником Ипатием. После некоторых успехов в начале, Ипатий также был разбит и взят в плен с целью получения выкупа⁴³.

В 514 г. Виталиан снова двинулся на Константинополь, и опять Анастасий договорился с поселениями и восставшими вождями. Император уступил требованиям Виталиана о его назначении военным магистром Фракии и о созыве церковного собора под председательством папы в Гераклее в 515 г. Анастасий вступил в переписку с папой Хормиздой о предложенном соборе, но достичь согласия им не удалось, и собор в конечном итоге созван не был. Затем Виталиан в третий раз атаковал Константинополь как с суши, так и с моря. На этот раз императорские войска под командованием бывшего префекта претория Марина разбили и флот, и сухопутную армию повстанцев, а Виталиан бежал во Фракию, где он оставался все оставшееся время правления Анастасия.

В эти беспокойные годы религиозные споры подрывали авторитет Анастасия⁴⁴, заговоры и мятежи угрожали его трону. В такой ситуации панегирист вполне мог сотворить образ богоданного и находящегося под божественным покровительством правителя, чтобы поддержать императора в его пошатнувшемся положении. Если “Панегирик Анастасию” поместить в такой контекст, то многие пассажи в поэме становятся более понятными, а датировка поэмы именно этим периодом получает новую поддержку.

Наиболее важное из подобных мест – ст. 299: “*Qui Scythicas gentes ripis depellit ab Istri*”. Под существительным к глаголу *depellit*, который обозначает передвижение скифских племен с отmelей Истра, скрывается племянник императора Ипатий, а упомянутые здесь скифские племена

⁴³ Основной источник о восстании Виталиана – Иоанн Антиохийский, фр. 214е. Также см.: Theoph. AM 6006; Evagr. HE III, 43. О датировке восстания см.: S.W. Brooks, *The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius*, The Cambridge Medieval History / Ed. H.M. Gwatkin, J.R. Whitney, Cambridge 1924, p. 485.

⁴⁴ P. Charanis, *Church and State in the Later Roman Empire: the religious policy of Anastasius the First, 491–518*, Madison 1939.

могут быть идентифицированы с варварскими войсками Виталиана. Сам Виталиан в одном из источников описан как скиф⁴⁵. Кампания Ипатия против Виталиана и успехи, которых Ипатий достиг в борьбе с восставшим вождем до итоговой сдачи последнего и разгрома, датируются осенью 513 г. (Josh. Styl. Chron., 60; Procop. De bello Pers., 18, 3). Если такая интерпретация данной строки корректна, то панегирик должен быть датирован этим временем.

Самая цитируемая строка панегирика – ст. 265: “*Utraque Roma tibi iam spero pareat uni*” – также одна из наиболее трудных для интерпретации⁴⁶. Из контекста этой строки видно, в чем ее важность, так как она дает ключ к смыслу, особенно если мы понимаем поэму как скрытую аллюзию на восстание Виталиана. Строка находится в направлении финала панегирика, где Присциан в заключение пересматривает свое утверждение о божественном происхождении и покровительстве императора. Строка отсылает к местам о Персидской войне, которые содержат предупреждение о том, что Бог расправится со всеми врагами Анастасия, как Он сделал это с персами (ст. 261–264). Затем Присциан прибавляет пожелание о том, что оба Рима могут покориться одному Анастасию “с помощью всемогущего Отца, который видит все вещи” (ст. 265–270). В конце дается сообщение о бедствиях на море, из которых Анастасий был чудесным образом спасен, благодаря своему благочестию (ст. 270–279). Акцент совершенно ясен: любовь, явленная Богом Анастасию, связана с угрозой того, что Бог отомстит врагам императора.

В Риме и Италии и Теодорих, и папа Хормизда симпатизировали Виталиану, который имел также и другие контакты с западом⁴⁷. Желание Присциана, что оба Рима окажутся под властью Анастасия, может быть аллюзией на эту ситуацию (John. Antioch. 214e; Theoph. AM 6006), хотя и смутную, и неопределенную, так как сохранялась деликатная ситуация в отношениях между западом и востоком, папой и императором, а также возможные трудности для Анастасия со своим собственным двором.

Один аргумент против поздней даты панегирика и предпочтение даты 503 г. состоит в том, что Присциан делает небольшое упоминание о войне против персов, начавшейся в 503 г. и окончившейся в 507 г. В панегирике есть две аллюзии на Персидскую войну: ст. 300 сообщает о командовании Ипатия против персов в 503 г., а еще ранее в поэме Присциан описывает, как Бог отразил персов от пределов империи (ст. 254–260)⁴⁸.

⁴⁵ Подробнее см. ст. 299.

⁴⁶ A. Chauvot, *Observations sur la date...* p. 549.

⁴⁷ О различных интерпретациях этого пассажа см. ст. 265.

⁴⁸ Конечно, ссылки на запад не вписываются в дату 503 г., когда Анастасий только что вступил в столкновение с персами, и кампания развивалась неудачно.

Присциан говорит об этом так, как если бы война была уже окончена, но это сообщение весьма кратко и содержит совсем немного подробностей. Таким образом, ссылки на войну становятся неощутимыми, если поэму датировать 503 годом, первым годом кампании, но они становятся более понятными, если поэму поместить в контекст восстания Виталиана.

Персидская война была борьбой против внешнего врага, которая имела место далеко от Константинополя. Гораздо более тяжелая ситуация была в случае с восстанием Виталиана – внутренним конфликтом, затронувшим саму столицу. Персидская война не оказала серьезного влияния ни на популярность Анастасия, ни на безопасность его трона. Также Персидская война оказала малое влияние на текущий кризис, поэтому не было необходимости подробно останавливаться на детальном изображении этих событий в поэме. Краткость данного сообщения может быть также объяснена тем фактом, что Виталиан и его отец вместе сражались среди римских сил против персов⁴⁹, и Присциан не хотел напоминать этот факт своим слушателям. Однако, люди, командовавшие римской армией в войне против персов – Ариобинд, Патрикий, Ипатий и Целер – были, исключая Ипатия, в дружеских отношениях с Виталианом или были замешаны в непопулярное смещение Македония и последующие заговоры в 512 г. (Josh. Styl. Chron., 60; Procop. De bello Pers., 18, 3). Тактичный панегирист не мог поэтому остановиться на Персидской войне. Упоминания Присциана о роли Ипатия начинаются с того времени, как он стал командующим армией против Виталиана. Кроме того, он использует Персидскую войну как еще один пример божественного покровительства Анастасия и империи, и как предостережение всем, кто угрожал ее безопасности.

Если Присциан только кратко описывает Персидскую войну, то он посвящает всю первую половину панегирика Исаврийской войне. С тех пор, как эта война имела место в первые годы правления Анастасия, ее известность в поэме может быть использована для поддержки ранней даты панегирика⁵⁰. Фактически, Присциан дает несколько конкретных деталей этой войны, как он мог и должен был сделать, если он описывал

⁴⁹ A. Cameron, *The Date of Priscian's De Laude Anastasii*... – не упоминает об этих строках.

⁵⁰ Об Ариобинде как об одном из командующих в войне против персов см.: Josh. Styl. Chron., 54. Он был призван императором на борьбу с бунтовщиками в 512 г. (Marc. Com. Chron., s.a. 512; John. Nik. Chron. 89, 9, 8). О роли Патрикия в Персидской войне см.: Josh. Styl. Chron., 54. Он пытался усмирить восставших в 512 г. (Marc. Com. Chron., s.a. 512). Он был благодетелем для Виталиана (John. Antioch. 214e) и отказался от командования войском, направленным против него, в 515 г.; так их дружба привела Патрикия к обвинению в измене (Malala 404). Целер стал главнокомандующим на войне против персов в 504 г. (Josh. Styl. Chron., 66). Он был вовлечен в усилия, направленные на смещение Македония и был отправлен с Патрикием усмирить восставших в 512 г. (Marc. Com. Chron., s.a. 512).

недавние события. Скорее, он использовал войну как противопоставление приукрашиванию своей поэмы красивыми эпизодами, сравнениями и примерами. Более важно, что его сообщение об Исаврийской войне передает военную атмосферу поэмы, которая присуща скорее кризису 513 г.⁵¹

Подобно Виталиану и его войскам, исавры – мятежники⁵², развязавшие гражданскую войну против своего законного правителя. Гражданский аспект конфликта подчеркивается Присциановыми реминисценциями из Вергилия и Лукана⁵³. В дополнение к этому, Присциан недвусмысленно связывает успехи императорской армии с храбростью (*robore*), но не с взяточничеством (*pretium*). Финансовые меры, предпринятые Анастасием, по уменьшению снабжения федератских войск во Фракии, стали фактором, побудившим Виталиана к восстанию (*John. Antioch. 214e.*), и Присциан, может быть, делает косвенные намеки на эту проблему и ее результат. Таким образом, Присциан использует Исаврийскую войну для комментирования современных событий, и его акцент на месть Бога против исавров и Его кары за их преступления связаны с результатом войны против Виталиана.

Три других пассажа могут служить аргументами для поздней даты панегирика. Строки 192–194, возможно, упоминают институт видников, который, как обычно считается, был учрежден после 510 г. Похвала брату Анастасия, племянникам и императрице Ариадне, которые обеспечили провозглашение Анастасия императором, может указывать на заинтересованность в праве наследования, которое должно более соответствовать последним годам его правления. Упоминания членов семьи Анастасия также могут быть предназначены для демонстрации сильной поддержки императора в его семье.

Панегирик заканчивается пожеланиями того, чтобы варвары были покорены, и чтобы молитвы народа и священного сената были услышаны. Этими варварами, возможно, были войска Виталиана; молитвы обозначали аллюзии на религиозные службы, которыми была отпразднована победа Ипатия над повстанцами (*John. Antioch. 214e.*)

Нельзя безусловно утверждать, что “Похвала Анастасию” была сочинена осенью 513 г., так как ни одна ссылка не дает точных и безусловных доказательств этой датировки. Тем не менее, суммарный результат аллюзий и косвенных указаний поддерживает скорее позднюю датировку поэмы, в совокупности с общим впечатлением, производимым

⁵¹ A. Cameron, *The Date of Priscian's De Laude Anastasii...*, p. 315.

⁵² О восставших исаврах см. ст. 52–53.

⁵³ См. ст. 115–118.

панегириком, развитием образа Анастасия как Божьей милостью назначенного и покровительствуемого императора, и выдержек из стиля и содержания более ранних панегириков – необходимо создают этот образ. Это самый сильный аргумент в пользу того мнения, что поэма находится в контексте восстания Виталиана⁵⁴ и религиозного кризиса 511–515 гг. Если принять дату 513 г., то еще одним подходящим случаем для создания панегирика могли стать празднества, которыми Анастасий встретил первые сообщения о победах Ипатия над восставшими⁵⁵.

Панегирик также создавался в такой ситуации, которая была частью пропагандистской кампании против Виталиана⁵⁶. В ответ на претензии Виталиана на власть над халкидонитами, Присциан демонстрировал божественную санкцию Анастасия на власть. Военная угроза противоречила сообщениям о Божьей мести врагам Анастасия, персам и исаврам. Более того, Присциан рисует образ Анастасия как воплощение имперской доблести, образ Бога, гарант мира, процветания и справедливости для своих подданных. Образ императора есть главный посыл панегирика. Следовательно, косвенно и современный читатель смущен; здесь упоминаются актуальные события.

Идея панегирика также хорошо просматривается в отношении придворных Анастасия, военных командиров и знати. Император, возможно, имел причину подозревать их в нелояльности и должен был ощущать потребность в оправдательном панегирике. Большинство чиновников и знати, кажется, было сторонниками Халкидона, не сочувствовавшими основам религиозной политики императора. Целер, Юлиана Аниция, жена Ариобинда, племянник императора Помпей с супругой, и даже императрица Ариадна, были халкидонитами. Феофан в “Хронике” (AM 6004) рассказывает, что Ариадна и многие придворные были расстроены смещением Македония. Мы знаем, что Иоанн и Патрикий отказались от командования армией, направленной против Виталиана в 515 г., потому что они были смещены из-за своей дружбы с Виталианом, и это послужило поводом для их обвинения в государственной измене.

⁵⁴ A. Cameron, *The Death of Vitalian (520 A.D.)*, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 48 (1982) 93–94.

⁵⁵ A. Cameron, *The Date of Priscian's De laude Anastasii*, *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 15 (1974) 313–316.

⁵⁶ Анастасий поместил бронзовые кресты (распятия) над воротами Константинополя с указанием причин восстания (John. Antioch. 214e). Характеристики Виталиана как варвара см.: “Муж Готский” (*Zach. NE VII, 13, 82*), “Виталиан Скиф” (*Marc. Com. Chrom., s.a. 514, 519*) могут быть рефлексиями имперской пропаганды, направленными на снижение образа Виталиана и его восставших войск (см.: A. Shauvot, *Observations sur la date...* p. 547; E. Stein, *Histoire de Bas-Empire*, p. 1949. II. p. 178–179).

Среди чиновников Анастасия были также выходцы из западных провинций и те, кто имел связи с западом. Присциан подчеркивает великодушие и щедроты Анастасия к тем, кто был направлен из Рима на восток, и продолжает хвалить императора за то, что он доверил ведение дел людям, литературно образованным⁵⁷. Как и сам Присциан, эти люди должны были иметь друзей и связи на западе. Одним из способов защиты против возможной нелояльности людей из этих кругов и был панегирик. Это, конечно, не было способом придать эффективность поэме, но Анастасий действительно встал у власти, и серьезные внутренние потрясения сохранял под контролем⁵⁸.

Поэзия поздней античности – посредник между более ранними императорскими панегириками⁵⁹, но немногие из тех, что составляли большой корпус стихотворных панегириков, сохранились; поэтому трудно проследить развитие этого литературного жанра.

Сохранившиеся стихи латинских панегириков распадаются на две основные категории: пасторальный панегирик преимущественно поэтов первых веков н.э.⁶⁰ и эпический панегирик, возникший на основе возрождения интереса к стихотворным панегирикам в эпоху Поздней империи. В контексте поздних императорских панегириков, сравнивая “Похвалу Анастасию” с хвалебными поэмами Клавдиана, Сидония и Кориппа, мы предполагаем, что по форме и содержанию стихотворных панегириков есть большое расхождение между западом и востоком. Также можно увидеть в поэме Присциана робкие начала процесса христианизации светского жанра панегирика, процесса, который, в свою очередь, имеет причастность к путям, на которых стихотворный панегирик мог быть создан.

Основные темы и структура императорских панегириков, деяния императора на войне и в мире, организованы вокруг проявлений его основных доблестей, уже давно установленных, и ораторов, могущих обратиться к правилам риторических учебников, таких как Менандра Ритора. Панегиристы конца IV–V вв. Клавдиан и Сидоний связывали свои риторические элементы с эпическими особенностями, которые включали эпические сравнения, персонификации, речи, продуманные описания людей, мест и объектов, и частые мифологические и исторические аллюзии.

⁵⁷ Ст. 245–253.

⁵⁸ С. Capizzi, *L'imperatore Anastasio I (491–518)*, Rome 1969.

⁵⁹ Светоний указывает на неудовольствие Августа быть объектом низкопробных стихотворных панегириков.

⁶⁰ “Эйпизильденские эклоги”, во-первых, далее – 4 и 7 эклоги Кальпурния Сикюла, а также Стаций, “Сильвы” IV, 1–2 – все восхваляют императора в пасторальных тонах.

В самом деле, зачастую затруднительно провести четкую черту между эпосом и панегириком в данных трудах⁶¹.

Присциан хронологически располагается между Клавдианом и Сидонием, с одной стороны, и Кориппом, с другой, и его панегирик мало похож на другие – как более ранние, так и более поздние панегирики. Структура и содержание “Похвалы Анастасию” в значительной мере зависят от риторической традиции, хотя надо отметить, что его стихи, прежде всего, придерживаются схемы Менандра. Кроме того, риторическая структура “Похвалы Анастасию” гораздо более очевидна, чем у панегириков Клавдиана и Сидония, потому что эпические элементы, включенные этими поэтами, в значительной степени отсутствуют. Присциан не включает персонификации, речи, божественную машинерию или мифологические аллюзии; его сравнения меньше и менее сложны. Присциан не связывает эпический формат своих предшественников в стихах панегирика, потому что поэт, пишущий на востоке, в Константинополе, своим стилем не должен был долго служить цели, для которой императорский панегирик был предназначен – императорского права на правление, власть.

Хотя панегирики были написаны в похвалу христианским императорам, Клавдиан и Сидоний использовали рамки языческой мифологии в их изображениях современных им событий и освещали современность с позиций славного римского прошлого. Оба поэта писали для слушателей из культурной западной аристократии, образованной в языческой литературе и риторической традиции, и гордых за великие римские свершения. В своем использовании мифа, аллегорических фигур и исторических примеров, Клавдиан и Сидоний демонстрировали преемственность между прошлым и настоящим, и окружающими людьми в контексте панегириков с внешними украшениями эпоса, надеясь сделать их приемлемыми для римской или галльской знати.

Ни Клавдиан, ни Сидоний, ни позднейшие прозаические панегиристы остроготских королей Эннодий и Кассиодор не включали темы божественного выбора правителя в свои панегирики. Однако, на востоке религиозные и политические соображения предписывали, что санкцией свыше для императорской власти была воля Божья. Таким образом, Присциан, который, возможно, писал свой панегирик для поддержки Анастасия во время кризиса, сделал императорское божественное право на

⁶¹ Об анализе эпических особенностей поэзии Клавдиана см.: A. Cameron, *Claudian*, p. 260–266.

власть своей главной темой. В результате, Присциан сталкивается с проблемой написания светской поэмы, в которой главной темой должен быть христианин в экспрессии (христианская выразительность). Мифологические аллюзии, персонификации и языческая божественная машинерия не должны были иметь места, и он пропускает их вместе с еще большими эпическими элементами, которые доминируют в поэзии Клавдиана и Сидония. Присциан осведомлен, что он порывает с данной традицией стихотворного панегирика, и он сообщает своим слушателям об этом в своем предисловии⁶².

Присциан не заменяет эпические элементы специфическими христианскими мотивами и языком⁶³; христианские читатели давно приспособились к словарию, называемому Юпитером христианского Бога; такие ссылки на божество не были проблемой. Кроме того, библейские аллюзии на патриарха Иосифа были определенным отголоском библейского языка и идей⁶⁴. Помимо этих особенностей, главный христианский аспект поэмы – тема богоданности и божественного покровительства императору. Корипп, который включил в свою поэму молитвы, видение Девы и парафраз Символа Веры, использовал язык христианских поэтов и идет дальше Присциана в христианизации жанра панегирика. Однако, Корипп не достиг полного синтеза светского и христианского мышления и языка, и, как и в поэме Присциана, большинство ее христианских элементов сосредоточено вокруг темы божественным образом предопределенного права императора на трон⁶⁵.

Так как его христианские темы делают пастораль и эпос несоединимыми в рамках одной модели, Присциан пытается найти другой прием конструирования поэмы в честь Анастасия. Его решение проблемы – очень простое: он берет темы и организует их в рамках учебников риторики, адаптируя их к своему видению императора, и затем украшает эту основную структуру поэтическим стилем и фигурами речи. Его техника в сравнении следовала за авторами “Панегирика Мессале” и “Похвалы Пизонам” и, по форме и содержанию, эти три панегирика – два из ранней империи и один из поздней, тесно связаны⁶⁶. Язык Присциана и его поэтические

⁶² L. Previale, *Teoria e prassi del panegirico bizantino*, Emerita 17 (1949) 77.

⁶³ R. Ficarra, *Motivi et orientamenti cristiani nel De laude Anastasii di Prisciano*, In *Studii in onore di Anthos Ardizzioni*, Rome 1978, p. 357–371.

⁶⁴ Об Иосифе см. ст. 208–217, о библейских отголосках – ст. 198, 231, 253.

⁶⁵ О “Панегирике Юстину” как о христианской поэме см.: Av. Cameron, *Corippus*, p. 8–10.

⁶⁶ “Панегирик Мессале”, включаемый в корпус Тибулла – самый ранний из сохранившихся стихотворных латинских панегириков, тогда как “Похвала Пизонам” датируется временем Нерона. Обе поэмы сопоставимы с “Похвалой Анастасию” по размеру – 212 и 261 строка соответственно, а также с ясно выраженным риторическим налетом.

украшения, однако, лишены откровенно языческих обертонов и образности более ранних произведений.

К сожалению, такая конструкция стихотворного панегирика из-за своего сверхнатурализма не вполне удовлетворительна. Сочетание поэтических украшений с риторической структурой развивает оригинальность для прозы, но может быть неуместным в других случаях. Стихотворные панегирики становятся лучше, когда они понимаются как специфический жанр поэзии, так что характерные особенности жанра преобладают, или скрываются риторические основы и унифицируется всё литературное сооружение. Такой поэтический панегирик создавался в IV в., когда Клавдиан развивал новый строй эпического панегирика. Почему, когда эпос оказался несовместим с его образом императора, Присциан сделал шаг назад в технике риторической основы, украшенной поэтическими приемами – взамен движения стихотворного панегирика в новом направлении, как делал Корипп, когда он заменял нарратив тематическим приспособлением риторической традиции; это вопрос, который должен быть задан, но на него не может быть дан однозначный ответ. Возможно, что подавляющий авторитет классической литературной традиции, в которой он был воспитан, и в которой он сам работал, сделал инновации невозможными для Присциана.

Соединять в одном лице занятия поэта и грамматика было вполне обычно для Поздней империи⁶⁷, и “Похвала Анастасию” Присциана есть компетентный, профессиональный продукт. Хотя его соединение риторической структуры и поэтических украшений, в конечном счете, неудовлетворительно, потому что компоненты несовместимы, Присциан – опытный мастер, ремесленник, который хорошо знаком со своим риторическим и поэтическим инструментарием, и который часто использует его со значительным эффектом.

Одна из наиболее успешных манипуляций со звуковыми эффектами в поэме содержится в описании Присцианом *venationes*, объявленных Анастасием вне закона (ст. 224–227). Хотя аллитерации и ассонансы повторяют звук г в конце двух строк, подчеркивая жестокость игр, есть ощущение, что сам Присциан получал от этого удовольствие.

Присциан дает только две основные модели образности во всей поэме, но эти два – образ солнца и образ “десницы Божьей”, успешно избраны, подчеркивая тему панегирика и Присцианово видение Анастасия.

⁶⁷ A. Cameron, *Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt*, *Historia* 14 (1965) 491–497.

Образы точно распределены и помещены в важный контекст. На первый взгляд, солярные образы встречаются близко к началу панегирика, в сцене описания триумфа Помпея (ст. 13–14). В центральной сцене панегирика Солнце созерцает сожжение долговых записей на Ипподроме (ст. 166–170). Наконец, в заключительной части панегирика Присциан объясняет, что Бог накажет и прогонит прочь всех врагов Анастасия (ст. 261–264).

Присциан вкладывает в свой солярный образ два уровня смыслов. В первом и третьем пассаже описания солнечных физических путешествий через небеса с востока на запад создают ощущение идеальной единой империи под управлением Анастасия, и на самом деле, второе упоминание следует за пожеланием, чтобы оба Рима повиновались одному Анастасию.

Более существенно то, что, в христианском аспекте, хотя Христос и отождествляется с солнцем, эта идентификация не может быть явной в поэме, и Присциан рассчитывает, что его современники должны увидеть в “золотом солнце” (ст. 168), которое смотрит вниз и радуется уничтожению налоговых записей с их бременем страданий, библейского Христа, “Солнце правды”, или “Солнце здоровья”.

Более того, Присциан описывает Анастасия как *fulgens* (блистающего), что есть отражение самого солнца, представляющего Бога на земле. Образ солнца в предыдущем пассаже может одинаково легко быть интерпретирован с христианскими коннотациями слушателей Присциана. Здесь Христос является как “Непобедимое Солнце” в солнечной квадриге, как он изображен, например, на хорошо известной мозаике из Ватикана. Таким образом, солярная образность используется Присцианом для усиления образа Анастасия как богоизбранного правителя⁶⁸.

Образ руки Божьей также появляется три раза в панегирике и, как и с солнечной образностью, избран автором также с целью подчеркнуть богоизбранность права на правление Анастасия, и действительно, в силу его природной непосредственности, это ведет даже к более прямым указаниям на тему, нежели образ солнца.

⁶⁸ О развитии солярного монотеизма см.: G.H. Halsberghe, *The Cult of Sol Invictus*, Leiden 1972. О восточном происхождении солярного символизма см.: P.H. L'Orange, *Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World*, Oslo 1953. О солярных образах в христианском искусстве и литературе см.: E. Kantorowicz, *Oriens Augusti: Lever du Roi*, DOP, 17 (1963) 119–177; F. Dolger, *Sol Salutis, Gebet und Gesang im christlichen Altertum*, Liturgiegeschichtliche Forschungen, vol. 4–5, Munster 1920. Описание Ватиканских мозаик см.: E. Kantorowicz, *Oriens Augusti...*, p. 44–45. Об использовании солярной образности отдельными авторами см.: Av. Cameron, *Corippus*, p. 160–163; H. Drake, *In praise of Constantine*, p. 73–74.

В первой части поэмы образ руки Господней есть символ божественной мести и правосудия. Отец, который держит все вещи в своей правой руке, и который держит в своих руках весы правосудия, карает исавров за их преступления, причиняя безумие им – тем, кто двинулся на войну против императора (ст. 55–60). Как только война началась, полыхающая рука всевышнего Отца (ст. 101) поражает исавров на суше и на море. По контрасту, третье упоминание, которое содержится во второй части поэмы, называет руку Божью символом спасения. Эта рука Господня спасает Анастасия от вреда, как и он сам спасает благочестивых людей на протяжении столетий (ст. 283)⁶⁹.

Использование Присцианом образов показывает его с лучшей стороны как поэта и панегириста. Его образы не оригинальны, но они должны иметь убедительный авторитет и привлекательность для его аудитории. Образ солнца как божественного прообраза императорской власти и то, что рука Господня поддерживает и покровительствует императору, были привычны как языческой литературе и искусству, так и христианскому искусству и политической и религиозной теории. Своим использованием этих образов Присциан как поэт обнаружил свое знание классической литературной традиции, которую он унаследовал от поэзии прошлого и современной ему христианской. Панегирист Присциан демонстрирует двойную мощь в общепринятых образах, поддерживающих правление Анастасия.

Если использование Присцианом образности показывает его нам с лучшей стороны, то сравнения раскрывают проблемы, присущие тому типу стихотворных панегириков, который он пишет. Два больших сравнения касаются описаний Анастасия, по одному в каждой половине поэмы. В плане разработки своих описаний деяний Анастасия на войне, Присциан естественно дает широкие заимствования из эпических поэтов, создавая подлинно военную атмосферу, и под их влиянием он дополняет длинные строки литературными достопримечательностями. Анастасий, который победил исавров, сравнивается со львом, который нападает и побеждает своих противников. Однако, как подобает эпическому герою, нет его сравнительных изображений во время мира в «Похвале Анастасию». В первом месте, как было известно слушателям Присциана, и чтобы сделать в поэме явную передышку, Анастасий не ведет императорскую армию против исавров.

⁶⁹ О дальнейшей дискуссии об образе «руки Господней» см. ст. 55.

Тем не менее, образ свирепого льва не подходит картине Анастасия, представленной в других местах панегирика, где утверждается, что Божественное правосудие и месть превалируют над инстинктивным милосердием Анастасия. Фактически, сравнение, прилагаемое к Анастасию, принижает образ Бога-мстителя, которым Присциан создает сердцевину в изображении войны. В результате, сравнение становится слишком длинным – 11 строк из 135, посвященных Исаврийской войне. Непропорциональная длина и разработка деталей делают это сравнение отличным примером поэтического украшения, приложенного к неподходящей структуре. Замечательно также, что это сравнение нуждается в эпическом контексте, и это – тот самый контекст, который Присциан сознательно отторгает.

Во второй части поэмы Анастасий – правитель империи в мире – сравнивается с библейским патриархом Иосифом (ст. 210–217). Хотя заслуги мудрого администратора Египта делают подходящими параллели с императором, явно христианская природа аллюзии неуместна в поэме, в которой Присциан повсеместно старается использовать язык и образность как классических, так и христианских коннотаций. В дополнение к этому, не подражая классическим образцам, сравнения бредут вдоль прозы, отделяя от сути панегирика стиль, а также содержание.

Между этими двумя метафорами Анастасия – свирепого льва и провиденциального патриарха – Присциан устанавливает середину, водораздел между классическим прошлым и христианским настоящим. В его вступлении в часть, где император изображается во времена мира, Присциан сравнивает успехи Анастасия и его неспособность выразить их, со жрицами Аполлона, которые знают все вещи, но не могут явно показать это (ст. 140–144). Образ поэта как барда, вдохновленного Аполлоном, имеет безупречное происхождение в классической литературе, но это сравнение очень подходит поэту, который поет молитвы такому христианскому императору, как Анастасий. Присциан здесь выбрал традицию, и, будучи честным, сравнил себя с соответствующей библейской фигурой – Давидом, например, но это должно было быть также неуместно. Возможно, это сравнение – не более, чем какое-либо другое в поэме, нужно для того, чтобы подвести итоги относительно трудностей Присциана, невозможного примирения классического и христианского.

Многие из поэтических качеств панегирика произрастают из Присциановых подражаний латинским эпическим авторам, особенно Вергилию, Лукану, Клавдиану и Овидию. Эти подражания делятся на три

основные категории. Первая группа представляет собой фразы, которые сознательно не заимствованы из каких-либо авторов. Это такие выражения как *tonans* (ст. 126), *semina belli* (ст. 18), *noctesque diesque* (ст. 247) и *rector Olympi* (ст. 162), которые являются частью обменного фонда общего эпического словаря⁷⁰ и использовались во фразах многих поэтов, писавших в классической традиции.

Вторая группа представляет собой осознанные заимствования из классических авторов⁷¹, которые призваны показать знания и виртуозность использующих их авторов. В панегирике эти подражания служат представлением компетентности автора как человека письменной культуры, достойным похвалы императора, несмотря на то, что законы жанра требовали определенных ограничений от поэта. Большинство Присциановых подражаний из ранних авторов вполне типичны. Наиболее примечательны заимствования из Лукана и Овидия в начале поэмы, подготавливающие упоминание Помпея как предшественника (прообраз) Анастасия⁷². Слушатели должны были опознать цитаты, но при этом должны только оценивать уместность упоминаний Помпея. Позднее в поэме лев сравнивается с описанием поля боя после разгрома исавров в сочетании оригинальных элементов с заимствованиями из латинских эпических поэтов.

Третья группа заимствований состоит из тех, что Присциан использовал, чтобы подчеркнуть тему и смысл своего панегирика. Источники Присциановых заимствований здесь становятся очевидными. Лукан, Вергилий и Клавдиан здесь наиболее важны. Отголоски последних шести книг “Энеиды” и “Фарсалии” напоминают об ужасах войны, особенно гражданской, и помогают Присциану предложить идею о том, что Исаврийская война, и сходное с ней восстание Виталиана, есть также гражданские войны. Аналогии никогда не подчеркиваются, но подразумевают заимствования из “Энеиды” и “Фарсалии” для внимательного слушателя и должны быть очевидны для хорошо информированных современников. Такие подражания ограничены частью панегирика, связанной с Исаврийской войной⁷³.

⁷⁰ См. ст. 50–66 и 130–132 о милосердии, проявленном Анастасием к исаврам.

⁷¹ Об использовании *imitatio* в латинской литературе см.: D.A. Russell, *De Imitatio*, Creative Imitation and Latin Literature / Eds. T. West, T. Woodman, Cambridge 1979, p. 1–16.

⁷² Brian Croke, *Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey*, Greek, Roman and Byzantine studies, 48 (2008) 447–466.

⁷³ Об этих отголосках Клавдиана см. ст. 282–283, 302.

Подобным же образом используются заимствования из Клавдиана, встречающиеся в некоторых пассажах в конце поэмы, но они более робкие и неоригинальные. Эти отголоски Клавдиана, его сцен войн Стилихона против варваров, могут вызвать ассоциации с угрозой Виталиана и его варварских войск, даже если сами подражания не встречаются в пассажах, связанных с войной.

Как Присциан подражает словарю и образности более ранних латинских поэтов, так же он приспособливает стандарты, установленные этими поэтами в их просодии и версификации. Метрические особенности всех поэтических произведений Присциана детально изучил в свое время Д. Дратшмидт.

Об особенностях использования гекзаметра латинскими эпическими поэтами писал Дж. Данкворт⁷⁴. По нему, Присциан часто следовал Вергилию и Лукану.

Словарь Присциана основан на классической латыни, хотя по необходимости он использует слова из языческих и христианских коннотаций (ст. 126, 128, 162, 168, 179). Одно используемое им слово имеет больше общего с христианскими, чем с языческими писателями – это *dominator* (ст. 254). Сравнительно короткая поэма с трудом обнаруживает предпочтения в использовании слов, но Присциан показывает любовь к слову *sensus* (ст. 21, 208, 305) и *teneo*, используемое как действительное причастие (ст. 26, 177, 179, 188).

Неклассические грамматические конструкции используются в поэме редко, исключая использование индикатива в косвенных вопросах (ст. 271, 278). Также есть некоторое количество неудачных конструкций, которые, как мы видим, встречаются, когда Присциан не следует классическим образцам; тогда в случаях, которые он желает описать, он должен самостоятельно добиваться надлежащих поэтических качеств. Такие пассажи, следовательно, более часты во второй части поэмы, которая в большей мере связана с описаниями достижений Анастасия в мирное время. К примеру, см. сравнение с Иосифом, особенно ст. 208, и описание избавления Богом Анастасия от бедствия на море, в особенности, ст. 275.

Присциан также способен с помощью всего лишь одного слова создать целый контекст связанных между собой образов. Такая техника иносказания замечательна своей краткостью и утонченностью; это лучше

⁷⁴ О дискуссии о метрических моделях Присциана см.: С.Е. Duckworth, *Variety and Repetition in Vergil's Hexameters*, Transactions of the American Philological Association, 95 (1964) 9–65.

всего прослеживается в употреблении Присцианом слова *fulgens* (ст. 170), вызывающим ощущение блеска императорских регалий и одежд, или слова *pascens* (ст. 253), создающим христианский образ доброго пастыря; также *florere* (ст. 264), суммирующего тему *renovatio*.

Можно в заключение отметить умелое использование Присцианом общепринятого поэтического языка и образности, и его осведомленность в политических острых углах, связанных с императором, что делает его успешным панегиристом, но его отказ быть новатором в области поэтического искусства, которое он с очевидностью находит привлекательным, и его собственная академическая ограниченность помешали его истинному поэтическому признанию.

Латинский императорский стихотворный панегирик в Константинополе имел после Присциана лишь одно продолжение – «Похвала Юстину Младшему» Кориппа (560-е гг.), после чего эта традиция прервалась окончательно.